

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал

2012
XXI

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
803
EXPRESS-ISSUE

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XXI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2012 № 803

СОДЕРЖАНИЕ

-
2477-2487	Размножение хищных птиц и численность
грызунов в северо-восточной Туркмении.
Г. П. ДЕМЕНТЬЕВ
2488-2498	Из жизни птиц в гнездовой период.
А. С. МАЛЬЧЕВСКИЙ
2498-2499	Живородящая ящерица <i>Lacerta vivipara</i>
в добыче кедровки <i>Nucifraga caryocatactes</i>
на Алтае. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
2499-2501	Возрастная и весовая характеристика отдельных
групп беспозвоночных в птенцовом корме
насекомоядных птиц. Н. Н. КУДАШОВА
2501	Первое наблюдение черноголового хохотуна
<i>Larus ichthyaetus</i> в западных областях Украины.
А. А. БОКОТЕЙ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й о р н и т о л о г и ч е с к и й ж у р н а л
T h e R u s s i a n J o u r n a l o f O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e X X I
E x p r e s s - i s s u e

2012 № 803

CONTENTS

- 2477-2487 Breeding birds of prey and owls and the number
of rodents in north-eastern Turkmenistan.
G . P . D E M E N T I E V
- 2488-2498 From the life of birds in the nesting period.
A . S . M A L C H E V S K Y
- 2498-2499 A viviparous lizard *Lacerta vivipara* in food
of the nutcracker *Nucifraga caryocatactes*
in Altai. N . N . B E R E Z O V I K O V
- 2499-2501 Age and weight of invertebrates
in nestling food of some insectivorous birds.
N . N . K U D A S H O V A
- 2501 First record of the Pallas's gull *Larus ichthyaetus* in
Western Ukraine. A . A . B O K O T E Y
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.-Petersburg University
S-Petersburg 199034 Russia

Размножение хищных птиц и численность грызунов в северо-восточной Туркмении

Г.П.Дементьев

*Второе издание. Первая публикация в 1953**

I

Связь размножения, плодовитости диких животных, в частности, птиц, с условиями питания широко известна. Однако конкретных данных по этому вопросу немного, и накопление фактического материала по нему, несомненно, желательно. В нашей литературе вопрос об экологических взаимоотношениях хищных птиц и грызунов впервые был поставлен в общей форме А.Н.Формозовым (1934). В дальнейшем проблема исследовалась главным образом на севере (Дунаева, Кучерук 1941; Осмоловская 1948) и в степях Северного Казахстана (Осмоловская 1949). В отношении отдельных видов хищных птиц и сов материалы были сведены Г.П.Дементьевым (1951). По тесно связанному с интересующей нас проблемой вопросу о кормовой специализации хищных птиц и сов существует большая литература, на которой здесь нет надобности останавливаться; наиболее подробная сводка принадлежит О.Уттендерферу (Uttendörfer 1939), но она относится, в сущности, только к Западной Европе.

Причины негнездования птиц в пределах нормального гнездового ареала не сводятся только к кормовым условиям, но последние всё же имеют преобладающее значение. Это и понятно, так как размножение требует от организма больших энергетических затрат.

Надо ещё отметить, что недавно А.Маршалл (Marshall 1952) изучил с позиций гистофизиологии вопрос о состоянии и развитии гонад у негнездящихся птиц (в Арктике). При этом установлено, что у взрослых самцов в годы негнездования развитие полового аппарата начинается нормально, но затем процесс сперматогенеза не доходит до завершения. Ещё более неполным является сезонное развитие гонад у негнездящихся особей молодых (годовалых) самцов. Как известно, у птиц этого возраста и в норме развитие полового аппарата запаздывает по сравнению с взрослыми. Развитие фолликулов у самок отмечается только на ранних стадиях, но скоро затихает. При таких явлениях нарушается и синхронизация полового цикла у партнёров.

* Дементьев Г.П. 1953. Размножение хищных птиц и численность грызунов в северо-восточной Туркмении // Бюл. МОИП. Отд. биол. 58, 4: 15-20.

Зависимость между «урожаем» основного вида или основных групп кормов и размножением наиболее резко выражена у наименее пластических в трофических отношениях видов-стенофагов; менее специализированные виды в случае неурожая главного или главных их кормов переходят на другую группу или группы кормов. Влияние состояния кормовой базы на размножение выражается в размещении в пространстве и в особенностях годового цикла. При неурожее кормов цикл, по-видимому, несколько запаздывает, при больших степенях дефицитности корма уменьшается число яиц в кладке, возрастает число неоплодотворённых яиц, а также смертность в выводке — нередко за счёт каннибализма; в годы наибольшей дефицитности кормов наблюдается полный «отказ» от гнездования. Обратная картина при урожае кормов, например, в годы пика численности грызунов — раннее размножение, высокая плодовитость, малая смертность в выводках, в особо благоприятных случаях — повторные репродуктивные циклы, падающие даже на холодное время года (поздняя осень и даже начало зимы). Такова в схеме общая картина явления.

У хищных птиц она наиболее выражена у высокоспециализированных миофагов. Эти виды и будут в дальнейшем предметом нашего рассмотрения. Полевые исследования, результатом которых является эта статья, производились автором вместе с зоологами Н.Н.Карташевым, А.А.Келейниковым, А.О.Ташлиевым и ботаником Е.А.Клюшкиным в 1952 году в период с 5 апреля по 12 мая. Работа проходила в следующих местностях: долина Аму-Дарьи от Чарджоу до Тахиа-Таша (Чарджоу — Денау — Кабаклы — Дая-Хатын-Кала — Гогорчинлы, или Гогоржели — Дарганата — Бурули — озеро Балыкчи — Питняк — Хазарасп), Хивинский и Ташаузский оазисы (Тахта — Газават — Бедеркент — Ташауз — Калининск — Шават — Ханка — Куния-Ургенч), северо-восточные участки Заунгузских Каракумов от Куния-Ургенча до колодца Чарышлы. Не останавливаясь на физико-географической характеристике обследованных местностей, отметим только, что условия обитания фауны здесь весьма разнообразны — имеется хорошо развитый культурный ландшафт (долина Аму-Дарьи, Хивинский и Ташаузский оазисы), хорошо развитые тугаи (в Дарганатинском районе), пустынные включения, доходящие до самой реки; наконец, пустынные участки северо-восточных Каракумов разного типа, но с преобладанием в посещённых нами местах пустынь щебнистого или переходного от песчаных к щебнистым; существенным элементом ландшафта в пустынях являются останцы и многочисленные развалины сооружений — крепостей и поселений на бывших землях древнего хорезмского орошения.

Несколько замечаний о фенологических особенностях начала 1952 года. Зима была мягкой и обильной осадками, весна — холодной и

влажной. В связи с такими условиями всюду было много воды во временных водоёмах – на такырах, хаках, в различных понижениях местности. Соответственно с этим развитие растительности было необычайно значительным, хотя и проходило с большим запозданием от средних, нормальных, сроков.

II

Здесь приводятся сведения о грызунах, полученные нашей экспедицией 1952 года.

Дикобраз *Hystrix leucura*. Нами найден только в тугае Гогорчинлы в пойме Аму-Дарьи к югу от Дарганата. По Е.А.Клюшкину, встречается в небольшом числе и в других тугаях района. Спорадически распространён в северо-восточных Каракумах (Унгуз), но во всяком случае дикобраз здесь редок и уступает в численности популяции в юго-западной Туркмении.

Пластинчатозубая крыса *Nesokia indica*. Широко распространена по среднему и нижнему течению Аму-Дарьи и в Ташаузском и Хивинском оазисах. В 1952 году численность была невысокой, большинство нор затоплено. Гибель пластинчатозубых крыс при затоплении и подмывании берегов отмечалась уже Г.В.Никольским и Н.А.Гладковым по Аму-Дарье. Только в высоких местах эта крыса удержалась, например, у Дая-Хатын-Кала, в тугаях Бурули и Гогорчинлы, в Кейнегече, местами у Чарджоу. Большинство найденных нор – нежилые. Расположены они в тростниковых зарослях, среди кустов гребенщика и дерезы, в обвалах арыков.

Домовая мышь *Mus musculus*. Распространена широко как в культурном ландшафте, так и в тугаях, по окраинам песчаных массивов Чарышлы, между Ярбекир-Кала и Ленинском. Численность была невысокой.

Слепушонка *Ellobius talpinus*. Спорадически распространена, придерживается главным образом культурного ландшафта; однако в небольшом числе встречается и в пустыне: так, две небольших группы нор (из 4 и 8) отмечены на крае такыра в понижениях между грядами барханов близ Чарышлы. Большинство нор – нежилые, многие расположены в залитых весенними водами местах. Численность невысокая.

Краснохвостая песчанка *Meriones erythrourus*. Встречается в пустынных участках с плотной почвой – глинистых и щебнистых, также песчано-щебнистых; больше, однако, в культурном ландшафте, в частности, по окраинам посевов люцерны и хлопка, по залежам. Численность и заселённость нор весной 1952 года была ничтожной.

Полуденная песчанка *Meriones meridianus*. Повсеместно в песчаных участках. Численность и заселённость нор низкая, но относительно выше, чем у следующего вида.

Большая песчанка *Rhombomys opimus*. В отношении распространения и плотности размещения поселений — основной вид грызунов в интересующей нас местности. Важно и то, что этот вид весьма эвритопен и встречается как в песчаных, так и в глинистых и щебнистых пустынных участках, а также в культурном ландшафте. Численность большой песчанки весной 1952 года была крайне низкой, за исключением некоторых высоких участков песков и щебнистой пустыни и некоторых посёлков.

Известно, что **гребенщикова песчанка** *Meriones tamariscinus* отмечалась рядом авторов в долине Аму-Дарьи от дельты до Чарджоу. Здесь проходит граница ареала вида, и он тут несомненно немногочислен. В 1952 году нами вовсе не встречена.

Тушканчики. Численность их была довольно высокой, если не считать редких и малоизвестных самих по себе видов. Гребнепалый тушканчик оказался в песчаных массивах довольно обычным так же, как и в юго-западной Туркмении. Нами встречен у Репетека, между Репетеком и Чарджоу, в песках в окрестностях Чарышлы, наконец, в развалинах Ярбекир-Кала (там в кормовых остатках сыча мы в течение двух дней находили по гребнепалому тушканчику).

Тушканчик Северцова *Allactaga severtzovi*. Остатки одной особи найдены в погадках беркута и в глинистой засоленной пустыне несколько восточнее Чарышлы, больше нигде не встречался.

Малый тушканчик *Allactaga elater*. Остатки найдены в погадках беркута, в том же месте, что и предыдущий вид. Вероятно, к этому же виду относятся наши наблюдения над мелкими тушканчиками в глинистых и щебнистых участках пустыни, но в этих случаях звери добыты не были, и часть встреч, по-видимому, относится и к земляному зайчику.

Труп земляного зайчика *Alactagulus pygmaeus*, раздавленного автомобилем, был найден в северо-восточных Каракумах в 50 км к юго-западу от Ярбекир-Кала. Этот же вид встречался в солончаковой долине между кыровыми (цинковыми) грядами, примерно в 64 км восточнее Чарышлы. По-видимому, наиболее широко распространённый по плотно-почвенным участкам пустынь Туркмении вид тушканчиков — как на северо-востоке страны, так и на юго-западе.

Мохноногий тушканчик *Dipus sagitta*. Самый многочисленный в песчаной пустыне вид тушканчиков в посещённых нами местностях. Численность, судя по следам и другим признакам, в 1952 году была высокой. Распространён как в голых развеянных песках (подобно гребнепалому тушканчику *Paradipus ctenodactylus*), так и в полузакреплённых песчаных массивах.

Жёлтый суслик *Spermophilus fulvus*. Широко распространён в исследованном нами районе. Связан с участками пустынь с плотной поч-

вой, с щебнистой пустыней и, наконец, с культурным ландшафтом. Численность в 1952 году нормальная или несколько выше средней.

Тонкопалый суслик *Spermophilopsis leptodactylus*. Повсеместно по песчаным участкам – как в северо-восточных Каракумах, так и в долине Аму-Дарьи. Численность высокая, но общее количество особей не очень велико, так как песчаные участки занимают в Заунгузье относительно небольшие площади.

Заяц-толай *Lepus tolai*. Широко распространён как в пустыне, притом в самых равнообразных участках (но преимущественно в зарослях саксаула и гребенщика), так и в долине Аму-Дарьи и по культурным землям оазиса. Численность и размножение в 1952 году – средние или даже несколько выше средних.

Можно добавить, что нами в погาดках беркута к востоку от Чарышлы найдены кости **рыжеватой пищухи** *Ochotona rufescens*. В литературе обычно приводится, что этот вид встречается в Туркмении в Копет-Даге и Больших Балханах. Нами в 1951 году отмечен в небольшом количестве по Западному Узбою в останцах. Наша новая находка показывает, что пищуха, вероятно, встречается в небольшом количестве и по останцам северо-восточных Каракумов. Возможно, что в пустынях северо-восточной Туркмении встречается **тушканчик Лихтенштейна** *Eremodipus lichtensteini*, но вид этот крайне редок и малочислен. Наконец, в литературе имеются указания, что в низовьях Аму-Дарьи у Кунграда и в среднем течении реки у Ак-Мечети близ Чарджоу встречается **закаспийская полевка** *Microtus transcasicus*. Во всяком случае, вид этот очень редок и нами не встречен был вовсе.

Таковы в самой схематической форме сведения о составе видов, биотопическом распределении и численности грызунов. В общей форме надо ещё указать следующее. Фауна грызунов северо-восточной Туркмении богата и разнообразна, в связи с разнообразием биотопических условий. Наибольшее разнообразие как видового состава, так и наибольшая численность связана с культурными участками, например, с поселениями человека в долине Аму-Дарьи, а также в Ташаузском и Хивинском оазисах. Фауна пустынь северо-восточной Туркмении, будучи в основных чертах сходной с фауной других частей Каракумов, количественно бедна. Это объясняется тем, что наиболее благоприятные для жизни животных участки кустарниковой песчаной пустыни занимают относительно небольшие площади, хотя и широко распространены; с другой стороны, большие площади занимают бедные органической жизнью щебнистые (гамадоподобные) участки.

Некоторые виды грызунов не имеют отношения к интересующему нас вопросу, так как недоступны для хищных птиц вообще: это – дикобраз. Другие настолько редки, что не могут иметь для последних сколько-нибудь серьёзного значения в кормовом отношении: это –

закаспийская полевка, тушканчик Северцова, гребенщикова песчанка, рыжеватая пищуха. «Фоновыми», важными для питания миофагов видами являются в первую очередь большая, краснохвостая и полуденная песчанки, затем – оба суслика. Но численность последних в «норме» значительно уступает таковой у песчанок. Многочисленные в общем тушканчики имеют ограниченное значение, так как доступны в сущности только ночным хищникам.

Многочисленны, но ограничены биотопически, пластинчатозубая крыса, домовая мышь и серый хомячок *Cricetulus migratorius*.

В 1952 году весной, в период размножения хищных птиц, численность основных видов грызунов была низкой или очень низкой. Исключением являлись суслики, но это, как увидим ниже, по тем или иным причинам не могло отразиться на размножении миофагов. Можно сделать вывод, что основные трофические связи последних в северо-восточной Туркмении ведут в сторону других видов грызунов, по нашему мнению, в первую очередь – песчанок.

Причины низкой численности грызунов в 1952 году были, по всем вероятностям, многообразными. Известное значение имели эпизоотии, имевшие место по крайней мере с 1949 года и продолжавшиеся на том или ином уровне и до настоящего времени. Далее, с 1949 года зимы, за исключением зимы 1951/52 года, были в общем суровыми, иногда исключительно суровыми. Наконец, северо-восточная Туркмения, в частности долина Аму-Дарьи, страдала от высоких паводков в 1949 году, когда они приняли характер наводнения, как и в 1950 году. Много воды было и весной 1952 года – это отмечено выше.

При таких обстоятельствах благоприятные кормовые условия (богатая вегетация) не могли принести грызунам большой пользы, и численность их оставалась весьма низкой. Впрочем, как уже отмечено, это относится не ко всем видам – говорить об общих, затрагивающих все виды, колебаниях численности грызунов не приходится. Но виды с более или менее сходными «требованиями» к условиям жизни соответственно реагировали на обстановку более или менее сходно. Излагаемые ниже особенности размножения хищных птиц и сов указывают между прочим, какие виды грызунов имеют для них наибольшее значение как объекты питания.

Отметим ещё, что значение паводка и наполнения временных водоёмов, заливание водоёмов для уровня численности грызунов хорошо подтверждается распределением жилых нор грызунов, в частности песчанок, пластинчатозубых крыс, домовых мышей как в долине реки, так и оазисах и северо-восточных Каракумах. К сожалению, мы до сих пор не располагаем данными по вопросу о том, как влияет та или иная обстановка (биотопическая или трофическая) на размножение грызунов. Можно только отметить, что в 1952 году боль-

шие песчанки, тонкопалые и жёлтые суслики, судя по добытым нами материалам, размножались.

III

Переходим теперь к изложению наших материалов по хищным птицам и совам исследованных нами местностей, ограничиваясь, согласно нашей теме, видами, относящимися к гнездовой фауне. Общие основные сведения об этих видах, их распространении и биологии в Туркмении находятся в нашей работе «Птицы Туркменистана» (Дементьев 1952).

Из отряда сов нами встречены были филин, ушастая сова, буланая совка и домовый сыч. Из них буланая совка *Otus brucei* – в основном энтомофаг, и поэтому оставляется вне рассмотрения.

Филин *Bubo bubo* был определён редок и немногочислен. Гнездования в 1952 году нам установить не удалось. Следы пребывания филина – свежие погадки и поеди – найдены в мечети на кладбище в Бедеркенте и в Ярбекир-Кала юго-западного Куня-Ургенча, старые погадки – в 20 км от юго-западного Куня-Ургенча. Характерно, что поеди в Бедеркенте содержали главным образом остатки птиц – галок *Corvus monedula*, самца и самки пустельги, сороки *Pica pica*, фазанки *Phasianus colchicus*, сизоворонки *Coracias garrulus*. Кроме того, в Кабаклы добыт был заяц-толай, сильно повреждённый, очевидно, филином при неудачном нападении. Филин – не узкоспециализированный миофаг и, по-видимому, довольно легко переключается при «неурожае» грызунов на другие корма. Тем не менее, судя по нашим исследованиям в юго-западной Туркмении (где в 1951 году выводки филинов были найдены в Шаудуз-Кала несколько южнее Бугдайли и в развалинах Мешада севернее Мессерианы), грызуны занимают в кормовом режиме филинов большое место, в частности, большая и полуденная песчанки, слепушонка, тушканчики, особенно в период выкармливания птенцов, а низкая численность основных видов грызунов, видимо, сказалась на размножении филина в северо-восточной Туркмении весной 1952 года – птица была малочисленной, и мы не слышали ни «уханья», ни других проявлений брачного цикла.

Ушастая сова *Asio otus*, по Н.А.Зарудному, будто бы редко гнездится по среднему течению Аму-Дарьи; это ещё требует подтверждения. Мы встретили эту сову только раз – 13 апреля в тугае Гогорчинлы.

Домовый сыч *Athene noctua* широко распространён как в долине реки по речным обрывам и в культурном ландшафте, так и в северо-восточных Каракумах по останцам, развалинам и т.п. В 1952 году был немногочислен. Не считая находок в разных местах старых погадок, сыч отмечен был только 9 раз. Один экземпляр (самец) был добыт 12 мая южнее Дейнау. Он был очень худ, гонады были слабо развиты;

в желудке находились остатки ящурки и пеночки-камышевки. В Ярбекир-Кала, где держалась пара сычей, 1 и 2 мая были найдены полусъеденные ими гребнепалые тушканчики (задняя часть тела и хвост). Сыч – неисключительный миофаг, в Каракумах его питание составляют и рептилии, и грызуны, и мелкие насекомоядные, и насекомые, и, в особенности в холодное время года, птицы. Имеется и довольно значительная индивидуальная специализация у отдельных пар и особей сычей. Однако в гнездовой период грызуны в кормовом режиме сычей имеют очень большое значение. В 1952 году мы, как указывалось, нашли численность сычей низкой, ни разу не встретили этой птицы в гнездовой обстановке и почти не слышали их характерных брачных криков. Размножение если и было, то протекало весьма слабо.

Беркут *Aquila chrysaetos*. В северо-восточных Каракумах относительно нередок. Нами найдено всего 5 гнёзд этого орла. Четыре из них, быть может, принадлежащие одной, или во всяком случае двум парам, найдены в пустыне к северо-востоку от Чарышлы. Все эти гнёзда расположены на старых саксаулах и использовались много лет. Два гнёзда находились в 7 км к северо-востоку от Чарышлы в участке солончаковой пустыни; в одном из этих гнёзд в апреле было взято яйцо, другое гнездо было пустым. Расстояние между этими гнёздами – около 120 м. У гнёзд собраны погадки и найдены кормовые остатки – панцири черепах *Testudo horsfieldii* (в большом количестве). Два других, незакрытых гнёзда найдены в 6 км к северо-востоку от этой местности, в щебнистой пустыне. Под гнёздами обнаружены кости зайца-толая, шкурки ушастых ежей *Hemiechinus auritus*. Из грызунов в погадках обнаружены остатки толая, жёлтого и тонкопалого сусликов, слепушонки; рыжеватой пищухи (!), тушканчиков Северцова, гребнепалого и малого, большой и полуденной песчанок. 29 апреля мы наблюдали 5 беркутов у обрыва кыра в 64 км восточнее Чарышлы. Птицы охотились на сусликов. В этих местах найдено 3 гнёзда этих орлов в стене обрыва чинка на окраине кыра. У одного из гнёзд держался одиночный беркут. Наконец, одиночного беркута, возможно, одного из наблюдавшихся 29 апреля, мы видели в тех же местах 30 апреля. 11 мая беркут был встречен в песках южнее Кабаклы, близ долины Аму-Дарьи. Из предыдущего видно, что в гнездовое время грызуны имеют большое значение в питании каракумских беркутов (надо учесть, что погадки были прошлогодние) и что размножение беркута в «неурожайный» по основным видам грызунов 1952 год протекало слабо.

Степной орел *Aquila nipalensis*. Только Н.А.Зарудный сообщает, что степной орел гнездится в Туркмении, основываясь на находке гнезда у Дорт-Кую между Тедженош и Мургабом. Гнездо будто бы помещалось на старом дереве, но на деревьях этот орёл не гнездится, и определение остаётся сомнительным. По нашим работам 1952 года ока-

залось, однако, что этот орёл гнездится в северо-восточных Каракумах. Здесь 1 мая в 53 км от Ярбекир-Кала на склонах кыра в щебнистой пустыне мы нашли 3 незанятых в 1952 году гнезда. Орлы, судя по непосредственным наблюдениям и перьям, собранным на гнёздах, подлетали к ним и этой весной. Собраны погадки взрослых и птенцов (прошлогодние). В них главным образом были остатки жёлтого и тонкопалого сусликов и песчанок. Всего было встречено 8 степных орлов, в одном случае – стайка из 4 особей, пивших воду на хаке в пустыне к северо-востоку от Чарышлы. У добытого 15 апреля в Бурули взрослого самца, крайне истощённого, семенники были довольно развиты (длина 21×11 и 18×10 мм), в желудке у него была трава. У двух самок, добытых 26 апреля на хаке по пути на Чарышлы, гонады были неразвиты, у одной из них желудок был пустым, у другой в зобе находились остатки ягнёнка каракуля. Степной орел – типичный миофаг и в 1952 году в посещённых нами местах, очевидно, не размножался.

Курганник *Buteo rufinus*. Весьма характерная птица для Каракумов. В период гнездовия – явный, хотя и не исключительный, миофаг. Мы не установили факта гнездования в 1952 году этой птицы в северо-восточных Каракумах: найденные гнёзда (всего 3) были не заняты. Одно из них располагалось на куске саксаула в 22 км к северо-востоку от Чарышлы, в песчано-щебнистой пустыне, другие – в высоком обрыве чинка в 64 км восточнее Чарышлы. За поездку встречено всего 15 курганников, преимущественно одиночек, в двух случаях – пары. Труп погибшего по какой-то причине курганника найден в Репетеке 6 апреля. Очевидно, весной 1952 года курганники в посещённых нами местах не размножались (в частности, не было у них ни брачного, весьма характерного, полёта, ни других внешних проявлений полового цикла).

Полевой лунь *Circus cyaneus*. Немногочисленная гнездящаяся птица северо-восточной Туркмении. В 1952 году был весьма редок (всего встречены 8 особей – как в культурном ландшафте к северу от Чарджоу, в Питняке, у Хаики, так и в пустыне у Репетека, в районе Чарышлы) и ни разу не встречен в гнездовой обстановке. Гнездование в 1952 году остаётся крайне сомнительным.

Балобан *Falco cherrug*. В гнездовое время балобан в значительной мере кормится и выкармливает выводки грызунами, хотя и не является специализированным миофагом. В литературе сведения о распространении балобана в северо-восточной Туркмении скудны. Только М.Н.Богданов (1882) сообщал об употреблении казахами на Даукаре и по берегам Аму-Дарьи для охоты «ительги» (ошибочно принимая эту птицу за сапсана), но, конечно, не пользовались ли тут привозными птицами. А.К.Рустамов (устн. сообщ.) установил гнездование этой птицы в Каракумах по останцам и доставил двух молодых, выну-

тых из гнезда у Карлы-Шииха в Сарыкамыше. Нами балобан наблюдался только один раз 30 апреля – над высоким обрывом чинка в 64 км к востоку от Чарышлы.

Обыкновенная пустельга *Falco tinnunculus*. Грызуны в питании пустельги в гнездовое время играют значительную роль, но в кормовом отношении это вид весьма пластичный и может быть охарактеризован скорее в качестве полифага. Численность этого сокола в изученных районах была значительной, встречался он в самых различных биотопах и, несомненно, в гнездовой обстановке. Проявления «брачного» цикла были налицо. У занятых гнёзд в обрывах останцев в 64 км восточнее Чарышлы пустельга наблюдались 30 апреля. Развитие гонад у добытых 12-14-16 апреля самок было нормальным. В желудках добытых экземпляров был хитин жесткокрылых (чернотелок, а также ящурки).

У других встреченных нами хищных птиц, не специализированных миофагов – **коршуна** *Milvus migrans*, **тювика** *Accipiter badius*, **степной пустельги** *Falco naumanni* размножение протекало нормально.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на благоприятные для охоты на грызунов биотопические условия в северо-восточных Каракумах (открытый ландшафт), низкая их численность, несомненно, сказалась на особенностях размножения миофагов и даже тех видов хищных птиц, для которых грызуны как объекты питания играют значительную роль. Этот вывод не ослабляется, по нашему мнению, наличием среди фауны позвоночных интересующих нас мест довольно большого числа конкурентов хищных птиц в отношении питания грызунами: из млекопитающих – лисы *Vulpes vulpes* и корсака *V. corsac*, светлого хоря *Mustela evermanni* и перевязки *Vormela peregusna*, степного *Felis libyca* и барханного *F. margarita* кота и т.д., а также змей.

Виды, более пластичные по питанию, как это видно на примере пустельги, размножались нормально. Это отмечалось и в отношении пустынного ворона *Corvus ruficollis*, который в «мышинные» годы в значительной мере кормится и выкармливает птенцов грызунами.

Заменяющими грызунов для миофагов кормами могут являться насекомоядные млекопитающие. Из них более или менее обыкновенны в северо-восточной Туркмении ежи, но они служат пищей только немногим видам птиц, в частности, беркуту и филину; из землероек мы нашли обычным, но немногочисленным в Заунгузье, пегого путорака *Diplomesodon pulchellum*, но в силу экологических особенностей этого вида и его малых размеров кормовое значение его для хищников не может быть сколько-нибудь значительным. Наконец, на насекомых, имеющих значение для питания многих видов хищников, особенно в гнездовый период, существенно повлияла в неблагоприятном отношении холодная весна 1952 года.

Депрессия численности грызунов непосредственно отражается и на биологической депрессии (уменьшение численности, слабое размножение и неразмножение) их естественных, притом наиболее специализированных, врагов среди хищных птиц. Это обстоятельство заслуживает внимания: действительно, представляется ясным, что наиболее эффективной роль хищников была бы именно при наименьшей численности грызунов – имеется в виду реальное снижение численности популяции последних. На самом деле в период депрессии грызунов ослабевают и естественная «борьба» с ними хищников. Это ясно показывает, что роль хищных птиц в отношении регулирования численности грызунов ограничена и относительна, и её не следует переоценивать. Впрочем, положительное значение хищных птиц – с указанными выше оговорками – несомненно, но деятельность хищников должна рассматриваться как вспомогательная к другим, более эффективным (в первую очередь химическим) мерам борьбы с грызунами.

Литература

- Богданов М.Н. 1882. *Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кизыл-Кум*. Ташкент: 1-155 (Описание Хивинского похода 1873 года, составленное под ред. Ген. штаба генерал-лейтенанта В.Н.Троицкого. Вып. 12).
- Дементьев Г.П. 1951. Отряд хищные птицы *Acipitres* или *Falconiformes* // *Птицы Советского Союза*. М., 1: 70-341.
- Дементьев Г.П. 1952. *Птицы Туркменистана*. Ашхабад: 1-547.
- Дунаева Т.Н., Кучерук В.В. 1941. Материалы по экологии наземных позвоночных тундры южного Ямала // *Материалы к познанию фауны и флоры СССР*. Нов. сер. Отд. зоол. 4 (19): 5-80.
- Осмоловская В.И. 1948. Экология хищных птиц полуострова Ямала // *Тр. Ин-та геогр. АН СССР* 41: 5-77.
- Осмоловская В.И. 1949. Экология степных хищных птиц Северного Казахстана // *Тр. Наурзумского заповедника* 2: 117-152.
- Формозов А.Н. 1934. Хищные птицы и грызуны. (Некоторые малоизученные вопросы экологии пернатых хищников) // *Зоол. журн.* 13, 4: 664-700.
- Marshall A.J. 1952. Non-breeding among Arctic birds // *Ibis* 94, 2: 310-333.
- Uttendörfer O. 1939. *Die Ernährung der deutschen Raubvögel und Eulen*. Neudamm.

Из жизни птиц в гнездовой период

А.С.Мальчевский

*Второе издание. Первая публикация в 1948**

Самым подходящим временем для наблюдения за жизнью птиц в северных широтах являются месяцы май и июнь, время, когда птицы строят гнёзда, насиживают яйца и выкармливают птенцов. В этот период почти каждая птица бывает как бы привязанной к определённом участку местности (гнездовому участку), на котором у неё находится гнездо, что даёт возможность проводить точные наблюдения над поведением одной и той же птицы в течение определённого промежутка времени и следить за всеми изменениями, происходящими в гнезде, начиная с откладки первого яйца вплоть до вылета птенцов из гнезда. Иногда удаётся проследить жизнь выводка и после того, как птенцы покинут гнездо.

Наиболее удобными объектами для такого рода наблюдений являются различные виды мелких воробьиных птиц: овсянки, зяблики, зеленушки, коноплянки, жаворонки, чеканы, мухоловки, сорокопуты, пеночки, славки, дрозды и др. Эта группа птиц является у нас самой многочисленной и широко распространённой. Большинство представителей её устраивает гнёзда невысоко над землёй или на земле, благодаря чему находить их, а также производить наблюдения над ними сравнительно легко. К тому же многие виды этих птиц часто гнездятся в непосредственной близости от человеческого жилья, селятся в садах и парках больших городов и иногда помещают свои гнёзда в различных постройках человека (рис. 1).

Взятое под наблюдение гнездо, или что ещё лучше, несколько гнёзд, должны посещаться ежедневно несколько раз, а все происходящие изменения – записываться. Бояться того, что птица бросит гнездо, не надо. Наоборот, если вести себя осторожно, не трогать гнезда и стараться особенно не пугать птицу, то она даже привыкает к частым посещениям и позволяет иногда рассматривать, фотографировать и даже зарисовывать её во время насиживания на очень близком расстоянии.

Подобные наблюдения за жизнью птиц очень увлекательны, данные таких наблюдений имеют большую научную ценность, несравненно большую, нежели простой сбор коллекций птичьих яиц или гнёзд. Они доступны для каждого наблюдательного человека, интересующегося жизнью птиц и с успехом могут проводиться школьниками в их

* Мальчевский А.С. 1948. Из жизни птиц в гнездовой период // *Естествознание в школе* 3: 8-14.

юннатской работе. В качестве руководства для начинающих наблюдателей ниже приводится очерк жизни наших мелких воробьиных птиц в гнездовой период, написанный преимущественно на основании личных наблюдений автора.

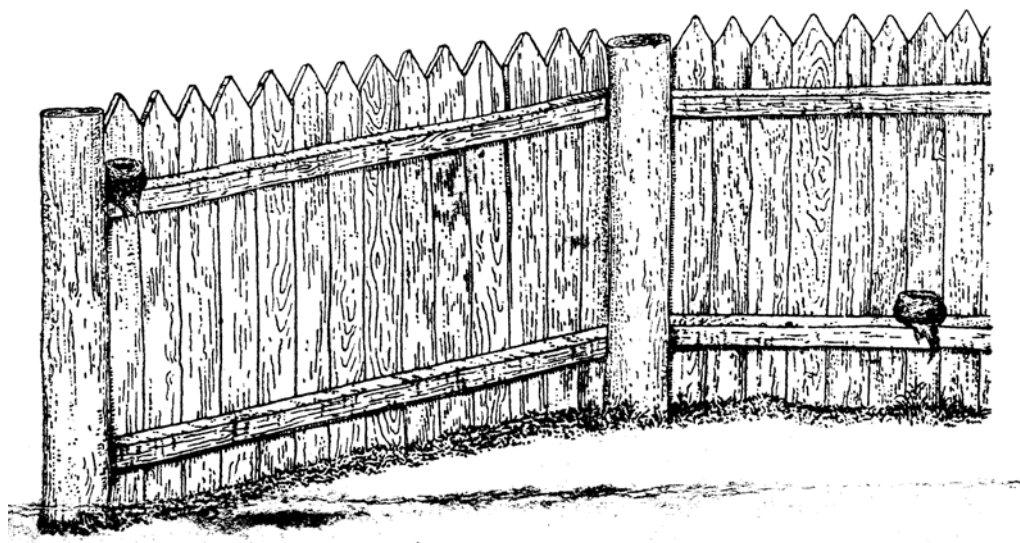

Рис. 1. Гнёзда дроздов-белобровиков *Turdus iliacus* на заборе в парке Лесотехнической академии (ориг. рис. с натуры).

С наступлением весны изменяется весь жизненный уклад птиц и наступает резкий перелом в их поведении. Если зимой большинство их стремилось держаться вместе, в стайках, ибо в одиночку существовать в это время труднее, то весной, наоборот, они, как правило, становятся враждебны друг другу и каждая птица стремится изолироваться от себе подобных на занятом ею гнездовом участке. Этот перелом в поведении и стремление занять свой гнездовой участок, на котором будет построено гнездо и будут воспитываться молодые, и нужно считать за начало гнездового периода в жизни птиц. Он характеризуется особенно интенсивным пением самцов и частыми драками между ними. В это время часто можно видеть ожесточённо дерущихся и катающихся клубком по земле самцов различных видов птиц: зябликов, пеночек, овсянок, трясогузок и др. Лучшие места занимаются наиболее сильными и энергичными особями, которые, как правило, первыми прилетают на места гнездования с зимовок. Более слабые бывают вынуждены селиться в менее благоприятных условиях, а иногда, по-видимому из-за отсутствия подходящих мест для гнездования, и вовсе не гнездиться.

Постройка гнезда начинается обычно спустя некоторое время после занятия гнездового участка. Её иногда удаётся проследить с самого начала и установить, как скоро птица строит гнездо. Несмотря на то, что птицы, как правило, тратят на это всего лишь несколько часов в день, гнездо иногда бывает готово уже через 2-3 дня, а в некоторых

случаях, особенно у таких птиц, которые строят рыхлые и не очень искусные гнёзда, и ещё того скорее. Однако время, необходимое для постройки гнезда, у многих видов ещё не установлено.

Строят гнездо обычно как самец, так и самка, но в некоторых случаях выют гнёзда только самки, а в очень редких случаях — только самцы. Иногда бывает так, что самец почти до конца выстраивает два или даже три гнезда, затем проходит довольно долгий срок, после чего появляется уже самка, которая очень быстро доканчивает постройку одного из гнёзд и начинает откладывать в него яйца. Так, например, весной 1947 года пишуший эти строки наблюдал в парке Лесотехнической академии в Ленинграде самца серой славки *Sylvia communis*, который в течение многих дней (со 2 по 20 июня) держался на одном и том же участке, непрерывно напевая свою незатейливую песню. За это время он выстроил два гнезда, одно на расстоянии 6 м от другого. Самка на этом участке впервые была замечена только лишь 20 июня. Вечером этого дня она подправила одно из гнёзд, выложив лежащую на дне вату на края гнезда, а утром 21 июня снесла первое яйцо. Второе гнездо так и осталось без употребления.

Рис. 2. Самец славки-черноголовки *Sylvia atricapilla* во время насиживания. Четыре веточки, которые участвуют в укреплении, образуют надёжную опору для гнезда (ориг. рис. с натуры).

Рис. 3. Славка-черноголовка *Sylvia atricapilla* в гнезде. Гнездо построено ненадёжно, так как прикреплено только к двум веточкам (ориг. рис. с натуры).

Для птиц, строящих свои гнёзда на деревьях и кустарниках, очень важно, чтобы гнездо было прочно прикреплено к веткам (рис. 2). Иногда приходится находить гнёзда, построенные удивительно неряшливо. Такие гнёзда, особенно после дождливой погоды, скоро начинают наклоняться на тот бок, на который чаще всего садится птица, и иногда совсем опрокидываются так, что находящиеся в них яйца или птенцы вываливаются (рис. 3, 4 и 5). Мне лично приходилось наблюдать такую

судьбу гнёзд у дроздов и славок. В одном случае это было с гнездом белобровика *Turdus iliacus*, птица поместила гнездо в верхней части подстриженного куста боярышника, укрепив его очень плохо. Постройка гнезда происходила удивительно поздно (гнездо было построено 12 июля) и, по-видимому, поспешно. В результате оно стало очень скоро накреняться набок и уже на пятый день насиживания угол наклона был равен почти 90°, так что яйца лежали уже не в лотке, а на боковой стенке гнезда. Интересно отметить, что дрозд продолжал насиживать до самого последнего момента, пока гнездо окончательно не перевернулось и все яйца не выпали.

Рис. 4. Гнездо славки-черноголовки *Sylvia atricapilla*, наклонившееся набок (ориг. рис. с натуры).

Рис. 5. Перевернувшееся гнездо славки-черноголовки *Sylvia atricapilla* (Орик. рис. с натуры).

Материал, из которого строится гнездо, бывает обычно совершенно определённым у каждого вида. Так, например, соловей *Luscinia luscinia* строит его, как правило, из сухих прошлогодних листьев; пеночка-весничка *Phylloscopus trochilus* лоток гнезда выстилает всегда пухом и перьями, а другой вид пеночки – желтобровка, или трещотка *Ph. sibilatrix* никогда этого не делает; дрозд-рябинник *Turdus pilaris* строит основу своего гнезда из земли и выстилает его сухими травинками, а певчий дрозд *T. philomelos* вымазывает его изнутри гнилой древесиной и т.д. Однако некоторые виды, которые селятся поблизости от человеческого жилья, в городских садах и парках, иногда строят свои гнёзда буквально из чего попало. В качестве строительного материала они используют всевозможные отбросы, собирая их на помойках или мусорных кучах. Так, например, в парке Лесотехнической академии мне приходилось находить гнёзда серых мухоловок *Muscicapa striata*, сорокопутов-жуланов *Lanius collurio* и других птиц, построенные почти целиком из таких отбросов. Вата, бумага, обрывки бинтов, куски верё-

вок, сеточек, тряпок и ниток различных цветов и даже кусочки целлофана использовались этими птицами для постройки своих гнёзд.

После того, как гнездо бывает окончательно построено, обычно сразу же начинается откладка яиц. Как правило, яйцо откладывается рано утром, на заре, и остаётся лежать без присмотра целый день. На следующее утро в гнезде появляется другое яйцо, на третий день – третье и т.д. пока не будет снесена полная кладка, которая у большинства наших мелких птичек обычно состоит из 5-6 яиц. По-видимому, всякая птица может снести и большее количество яиц, так как в случае разорения гнезда или гибели кладки от хищника птицы вторично выют гнёзда и снова откладывают такое же количество яиц. Кроме того, над некоторыми видами уже давно проделывались специальные опыты, которые показали, что птицы действительно могут снести яиц больше, нежели их бывает обычно в нормальной полной кладке. Так, например, вертишейка *Jynx torquilla*, из гнезда которой периодически вынималась часть яиц, продолжала откладывать новые яйца и отложила подряд 69 яиц, при нормальной кладке в 9-12 яиц. Почему птица в естественных условиях прекращает нестись тогда, когда у неё отложена полная кладка – этот вопрос остаётся ещё открытым и в настоящее время ведутся специальные исследования в этом направлении. Можно только предположить, что вряд ли птице удалось бы высидеть и выкормить всех вылупившихся птенцов, если бы яиц в кладке было бы больше нормального. Наблюдения показывают, что даже при нормальной кладке часть птенцов иногда погибает из-за нехватки корма и тесноты в гнезде.

Очень важно не пропустить того момента, когда птица начинает насиживать яйца. Известно, что у некоторых птиц насиживание начинается сразу же после первого отложенного яйца. У большинства же воробьиных птиц начало насиживания наступает обычно тогда, когда отложены уже все яйца. Однако при повторных и поздних кладках и у воробьиных птиц насиживание может начаться за несколько дней до окончания кладки. В этом случае получается такая же картина, которая наблюдается иногда у сов, дневных хищников, бакланов и других птиц: птенцы вылупляются не одновременно, вылупившиеся позднее притесняются более взрослыми, получают меньше корма, слабеют и часто погибают. Такую картину мне приходилось наблюдать не раз. Так, например, в одном гнезде белобровика, найденном мною 28 июня, было 4 яйца, степень насиженности которых была различная. Вылупление происходило не одновременно: 6 июля вылупилось два птенца, 7 июля – третий, а четвёртый появился на свет лишь 8 июля утром. Он так и продолжал оставаться самым маленьким и самым слабым. Начались дождливые дни и родители стали прилетать к гнезду реже, чем обычно. Корму птенцам явно не хватало и естественно, что меньше

всех получал самый слабый. 14 июля он был ещё жив, но сидел в самом низу, под другими птенцами, а 15 июля он погиб и был выброшен родителями из гнезда. При вскрытии его желудок оказался совершенно пустым.

Насиживание часто производится самцом и самкой попеременно. Однако, заметить это не всегда удаётся, так как окраска оперения самца и самки у многих видов бывает одинаковой. В этом отношении удобнее всего наблюдать за славкой-черноголовкой *Sylvia atricapilla*, у которой самец имеет чёрную шапочку, а самка – коричневую. Наблюдая за гнездом славки-черноголовки можно заметить, что иногда на гнезде сидит самка, а иногда самец, который совершает это не менее ревностно, чем самка (рис. 2 и 3).

Период насиживания – опасная пора в жизни птиц. Многое зависит от того, как поведёт себя птица при появлении кошки, горностая или другого хищника. Иногда «неумелое» поведение насиживающей птицы ведёт к тому, что она сама становится жертвой и попадает в лапы к хищнику. Приходя к гнезду, над которым велось наблюдение, иногда находишь разорённое гнездо и валяющиеся рядом ножки и крылья хозяина. Один раз автору этой статьи удалось поймать горностая *Mustela erminea*, спавшего в разорённом им гнезде полевого воробья *Passer montanus* буквально на труп своей жертвы – самки воробья, у которой он отъел только лишь голову.

У мелких видов птиц насиживание продолжается около двух недель, так что на 12-13-й день после начала насиживания можно проводить наблюдения над вылуплением птенцов. Птенец выходит из яйца не сразу после проклёвывания. Прежде чем это совершиться, проходит обычно несколько часов. Это ответственный момент в жизни птенца, который совершается, по-видимому, с большим трудом для него. Бывают случаи, когда птенцу так и не удаётся выбраться из яйца и он погибает ещё перед вылуплением. Это так называемые «задохлики». Наряду с болтунами (неоплодотворёнными яйцами) такие яйца с мёртвыми зародышами иногда можно находить в гнёздах, в которых уже находятся птенцы.

Дальнейшие наблюдения за жизнью птенцов в гнезде, после их вылупления, наиболее увлекательны. Птенцы рождаются голыми, слепыми, с непостоянной температурой тела и первое время нуждаются не только в кормлении, но и в защите от холода, дождя и солнечных лучей. В дальнейшем, когда у птенцов появляется оперение и они становятся теплокровными животными, они уже начинают согревать друг друга сами, так что родители оставляют их одних даже ночью. Растут они очень быстро. Птенцы, например, пеночки через каких-нибудь 8-10 дней достигают размера своих родителей. Такой быстрый рост птенцов стоит в связи с тем количеством пищи, которое они поглощают.

В первые дни они съедают пищи больше, чем их собственный вес. Прожорливость их колоссальна. Не успеют они насытиться, как уже снова хотят есть. Для родителей их наступает страдная пора. Целый день они торопливо снуют в поисках корма, беспрестанно подлетая к гнезду, чтобы накормить своих птенцов, всегда готовых есть. По данным А.Н.Промптова (1940), некоторые птицы, например мухоловка-пеструшка *Ficedula hypoleuca*, прилетают кормить своих птенцов свыше 560 раз в день.

Наблюдая за тем, как птица кормит своих птенцов, часто можно видеть, как она, вылетая из гнезда, держит в клюве какой-то белый комочек, который тут же бросает. Это очистка гнезда от испражнений птенцов. И действительно, гнёзда мелких птиц всегда поражают своей чистотой и опрятностью. Однако очистка гнезда прекращается приблизительно на 6-7-й день после вылупления птенцов, когда они становятся уже достаточно активными и могут сами, поворачиваясь, испражняться за край гнезда.

Наблюдениями установлено, что большинство мелких насекомоядных птиц с каждым своим прилётом приносят немного корма и отдают его, как правило, одному птенцу, который первый подставил свой раскрытый рот. Очень часто птица кормит одного и того же птенца несколько раз подряд, до тех пор, пока он не насытится и не успокоится. После этого самую выгодную позицию занимает какой-нибудь другой птенец. В этом отношении очень интересны наблюдения доцента Ленинградского университета Г.А.Новикова над поведением птенцов большого пёстрого дятла *Dendrocopos major* в тот момент, когда родители прилетают их кормить: между птенцами начинается самая настоящая борьба за овладение летком, размеры которого позволяют высунуться и получить корм лишь одному птенцу.

В гнезде большой синицы *Parus major*, в котором обычно бывает большая теснота и птенцы часто сидят буквально друг на друге, наблюдается, как описали это А.Н.Промптов и Е.В.Лукина (1938), перемещение сытых и голодных птенцов: наевшиеся успокаиваются, а голодные и наиболее беспокойные выползают наверх. Нередко, когда в гнезде бывает много птенцов или когда по причинам плохой погоды родители приносят мало корма, наиболее слабые так и не успевают выползти наверх. Они отстают в росте, слабеют и часто гибнут. Подминаемые и затапываемые своими более сильными братьями и сёстрами, они в конце концов превращаются в плоские сухие мумии, которые иногда можно найти, разбирая подстилку гнёзд, из которых уже вылетели птенцы. Иногда погибшие птенцы выбрасываются из гнезда родителями.

По прошествии 8-9 дней после вылупления птенцов за гнездом необходимо наблюдать особенно тщательно, чтобы не упустить момента

и характера «вылета» птенцов из гнезда. Интересно также следить за поведением родителей, которые в это время обычно проявляют особенное беспокойство, иногда поднимая тревогу ещё задолго до приближения наблюдателя к гнезду. Издаваемый при этом крик специфичен для каждого вида и в середине лета столь же характерен, как и пение птиц весной. Биологическое значение его, по-видимому, двойное. С одной стороны, птицы, издавая крик, отвлекают внимание пришельца от гнезда или вылетевших из него птенцов и заставляют обращать внимание на себя. С другой – своим тревожным криком они предупреждают птенцов о приближающейся опасности. Птенцы при этом обыкновенно прячутся в траве и, застывая в неподвижной позе, становятся менее заметными. Однако не все птенцы бывают одинаково «послушными». Некоторые, несмотря на предупреждающий крик родителей, иногда продолжают ещё шевелиться, за что, конечно, в первую очередь и попадают в лапы к хищнику.

Помимо тревожного крика при появлении опасности птицы часто применяют различные «приёмы», как бы рассчитанные на то, чтобы обмануть или напугать врага. Некоторые удивительно ловко «притворяются» ранеными: падают на землю и, волоча крыльями и хромая, ползут в сторону от гнезда. Если за такой «отводящей» от гнезда птицей побегать, на что и «рассчитано» её поведение, то она очень скоро «выздоровливает» и улетает. Некоторые, наоборот, принимают угрожающие позы, шипят и даже нападают. «Бесстрашие», с которым иногда действуют птицы, бывает просто поразительным. Так, например, в парке Лесотехнической академии в 1947 году один из гнездившихся там жуланов отличался тем, что никому «не позволял» близко подходить к его гнезду, в котором сидели молодые птенцы. Каждый раз, когда мимо гнезда кто-либо проходил, сорокопут молчаливо «пикировал» и сналёта наносил довольно сильный удар в голову клювом, лапами и крыльями. Он делал это так быстро и неожиданно, что случайно подошедший к гнезду человек невольно шарахался в сторону, пугался и поскорее уходил прочь. Таким же поведением отличалась в парке ещё одна горихвостка *Phoenicurus phoenicurus*. Эта маленькая птичка, ростом менее воробья, бросалась и, растопырив крылышки, ударяла всем своим телом в лицо или в грудь человека, подошедшего к её гнезду, в котором сидели птенцы. Вела себя так только самка, самец же реагировал значительно спокойнее. В случае с сорокопутом таким поведением отличался, наоборот, самец. Наблюдаемые индивидуальные отличия в поведении отдельных особей позволяют заключить, что при защите своего потомства от врагов отдельные особи могут вырабатывать свои собственные «приёмы».

Очень интересным для наблюдения является момент оставления гнезда птенцами. Птенцы большинства мелких воробьиных птиц, уст-

раивающих свои гнёзда на земле или невысоко над землёй, начинают, как правило, оставлять гнездо ещё за несколько дней до того, как они научатся летать (рис. 6). Это бывает в возрасте 11-13 дней, а у овсянок, чеканов, жаворонков и некоторых других птиц и ещё того раньше. Не умея ещё летать, они тем не менее в этом возрасте удивительно ловко умеют передвигаться по земле и прятаться в траве, так что поймать их бывает очень трудно.

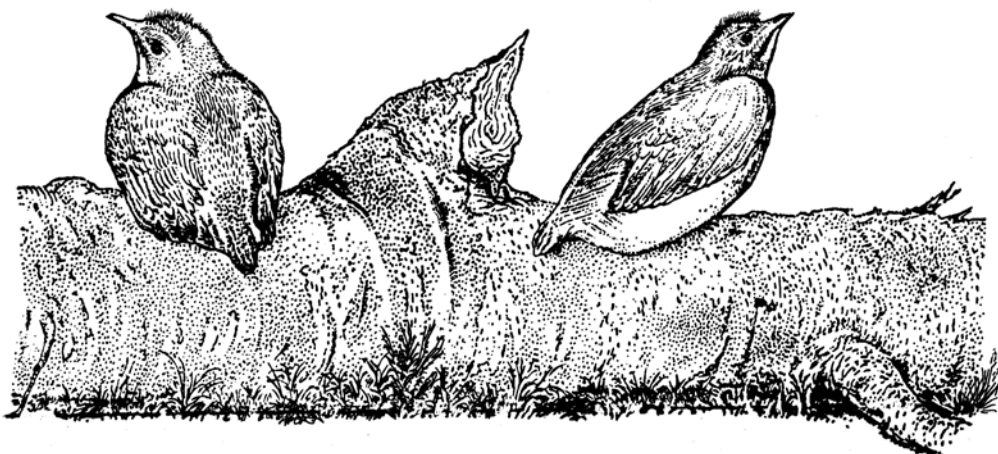

Рис. 6. Вскочившие из гнезда птенцы дрозда-белобровика *Turdus iliacus* в возрасте 10 дней (ориг. рис. с натуры).

Бывает, что не все птенцы оставляют гнездо сразу. Оставление гнезда растягивается иногда на 2-3 дня. Дольше всех остаются в гнезде наиболее слабые и отставшие в росте. Продолжая выкармливать птенцов, родители начинают прилетать к гнезду всё реже, так как большинство птенцов теперь находится уже вне гнезда. Часто бывает так, что в гнезде ещё остаются два птенца. В таком случае один, который побольше, обычно сидит на краю гнезда и, находясь в более выгодном положении, нежели его меньший брат, получает почти весь приносимый родителями корм. Иногда это приводит к тому, что в конце концов самый слабый птенец погибает и остаётся лежать мёртвым в гнезде. Пишущий эти строки наблюдал такую картину у сорокопутов-жуланов. В том случае, когда оставшийся в гнезде птенец бывает ещё достаточно активным, он иногда начинает прилагать все усилия, чтобы выбраться из гнезда и присоединиться к начавшему уже передвигаться выводку. Мне приходилось наблюдать, как молодой дроздёнок-белобровик в возрасте 9 дней, оставшийся в гнезде один, не умея совершенно летать, «смело» выскакивал из гнезда, расположенного на высоте двух метров от земли на заборе, чтобы присоединиться к другим птенцам, вскочившим из гнезда на день раньше его. Несколько раз подряд я сажал его обратно в гнездо и, отойдя в сторону, наблюдал, как он снова и снова «смело» бросался вниз, грузно падал на землю и, немного посидев, начинал двигаться по земле по направлению к

выводку. Такова бывает у птенцов сила стремления держаться вместе и не отставать от выводка.

Часто можно наблюдать ещё не умеющих летать птенцов и слышать, как они время от времени попискивают в траве. Они попискивают недаром. Можно сказать, что в этот период жизни их «кормит» голос. Разве могли бы родители найти и накормить всех птенцов, сидящих в разных местах, если бы последние не давали о себе знать голосом. Однако развивающийся и становящийся к этому времени всё более и более громким их голос имеет не только это значение. Покинув гнездо, птенцы обычно не сидят на одном месте. Но если бы все птенцы двигались в разные стороны, то выводок скоро бы распался, и родителям трудно было бы их найти. Однако этого обычно не бывает. Выслеживая выводок через 2-3 дня после того, как птенцы покинули гнездо, находим обычно всех птенцов, держащихся вместе, и уже на довольно значительном расстоянии от пустого гнезда. Они могут передвигаться и держаться вместе, иногда даже не видя друг друга, именно благодаря их голосу, который связывает их.

Позднее, когда птенцы научатся летать и выводки, покинув гнездовые участки, начнут совершать далёкие кочёвки, а затем объединяться в стаи, голос, который развивается к тому времени в характерный для каждого вида призывный крик, продолжает играть роль связующего момента стаи.

Проводя наблюдения за жизнью птиц в гнездовой период, нельзя не заметить, что отдельные особи, как взрослые, так и птенцы, хотя они и принадлежат к одному и тому же виду, в различных случаях ведут себя не одинаково. у взрослых птиц наблюдаются индивидуальные отличия в отношении их умения находить наиболее безопасные и богатые кормом места для гнездования, в способностях вить и укреплять гнёзда, в их поведении во время насиживания яиц и выкармливания птенцов. Не всем одинаково успешно удаётся вывести птенцов. Неудачно выбранное место для гнездования, плохо построенное гнездо, неумелое поведение во время насиживания — являются часто причинами гибели кладки, птенцов и даже самой птицы. Наиболее удачливые и приспособленные успевают иногда в течение лета вывести птенцов два раза. Но бывают и такие, которые неудачно гнездятся два или даже три раза подряд и гнездовой период так и проходит у них «впустую».

У птенцов, принадлежащих даже к одному выводку, тоже наблюдаются различия в отношении их активности, в ответной реакции на тревожный крик родителей, предупреждающий их об опасности, в отношении способности их не отставать от выводка. Всё это приводит к тому, что выживают, как правило, не все вылупившиеся из яиц птенцы, а активные и приспособленные. Кроме того, наблюдения за гнез-

довыми птенцами и птенцами-слётками показывают, что в их жизни в одно и то же время могут существовать как моменты взаимной конкуренции (притеснение слабых более сильными в гнезде), так и моменты, облегчающие их совместное существование (согревание друг друга в гнезде, стремление держаться вместе после вылета из гнезда).

Литература

- Промптов А.Н. 1940. Изучение суточной активности птиц в гнездовой период // Зоол. журн. **19**, 1: 143-159.
- Промптов А.Н., Лукина Е.В. (1938) 2008. Опыты по изучению биологии и питания большой синицы *Parus major* в гнездовой период // Рус. орнитол. журн. **17** (454): 1787-1793.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 803: 2498-2499

Живородящая ящерица *Lacerta vivipara* в добыче кедровки *Nucifraga caryocatactes* на Алтае

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 28 сентября 2012

Во время поездки по казахстанской части Центрального Алтая к горе Белухе 29 июля 2012 на спуске по крутому таёжному склону хребта Листвяга от озера Язёвое в ущелье реки Белая Берель к селу Кара Айрык (Язёвка) мы посетили живописный каскад из десятка Язёвских водопадов (49°31'30''с.ш., 86°17'22''в.д., 1607 м н.у.м.). На экскурсии к ним меня сразу же заинтересовало поведение кедровки *Nucifraga caryocatactes macrorhynchos* (C.L.Brehm, 1823), кормившейся в густом ельнике вдоль осоково-мохового русла ручейка, пересекающего тропинку, ведущую к верхнему водопаду. Птица увлечённо пыталась кого-то ловить в осоке, но неудачно. После нескольких попыток она схватила в клюв небольшую ящерицу и взлетела с ней на сухую ветку ели. Осмотревшись, кедровка зажала её в лапах, нанесла два-три удара клювом и при нашем приближении улетела с ней вглубь леса. Последующий осмотр русла ручья показал, что по нему держалось ещё не менее двух сеголетков живородящей ящерицы *Lacerta vivipara* (Jacquin, 1787), один из которых и стал добычей кедровки.

За многие годы знакомства с этой птицей на Алтае мне первый раз довелось столкнуться с фактом ловли ею пресмыкающихся. Известно, что в гнездовое время кедровки питаются преимущественно насекомыми, переключаясь во второй половине лета на ягоды и кедровые орехи. Как исключение, ловят они и мышевидных грызунов, мелких ящериц, амфибий, иногда поедают найденные яйца и птенцов птиц (Сушкин 1938; Гаврин 1974), т.е. в той или иной мере проявляют хищничество, свойственное большинству представителей семейства вороновых. В горной тайге Алтая, где живородящая ящерица местами достаточно обычна, она, по всей видимости, также является нередким дополнительным кормом кедровок.

Литература

- Гаврин В.Ф. 1974. Семейство Вороновые – Corvidae // *Птицы Казахстана*. Алма-Ата, 5: 41-121.
- Сушкин П.П. 1938. *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии*. М.; Л., 2: 1-436.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 803: 2499-2501

Возрастная и весовая характеристика отдельных групп беспозвоночных в птенцовом корме насекомоядных птиц

Н.Н.Кудашова

*Второе издание. Первая публикация в 1986**

Исследования по избирательному отлову насекомоядными птицами беспозвоночных в зависимости от их пола, фазы развития вития и веса были проведены в пойменных биоценозах рек Обь и Чулым в 1979-1985 годах. Материал включает 3280 разовых пищевых проб птенцов 18 видов воробьиных, полученных методом наложения шейных лигатур (Мальчевский, Кадочников 1953). Половой состав некоторых систематических групп насекомых проанализирован для 6 видов птиц. При этом использовались кормовые объекты, легко различающиеся по полу и имеющие, большей частью, крупные размеры.

* Кудашова Н.Н. 1986. Половозрастная и весовая характеристика отдельных групп беспозвоночных в птенцовом корме насекомоядных птиц // *Изучение птиц СССР, их охрана и рациональное использование*. Л., 1: 339-341.

Деревенская ласточка *Hirundo rustica* из группы насекомых-кровососов в относительно большом количестве отлавливает представителей семейств мошек и слепней. Среди них преобладают самки – 94 и 56%, соответственно. От общего количества самок особи с развитыми гонадами составляют 35% (у мошек) и 21% (у слепней).

Белая трясогузка *Motacilla alba* по основным видам кормов отлавливает преимущественно самок – 75-100%. У настоящих стрекоз, бабочек, мошки, мух-жужжал и журчалок наиболее часто изымаются самки с развитыми гонадами – 65, 100, 69, 93 и 50%, соответственно. Преобладание самок среди отлавливаемых насекомых (стрекозы, чешуекрылые, слепни, журчалки) отмечено также в корме птенцов лесного конька *Anthus trivialis* – 100%, мухоловки-пеструшки *Ficedula hypoleuca* – 72%, серой мухоловки *Muscicapa striata* – 92%, большой синицы *Parus major* – 100%. Можно предположить, что самки насекомых, особенно в период овогенеза, менее маневренны и тем самым чаще становятся жертвами птиц. Пониженной активностью обладают особи с заполненным пищеварительным трактом. Так, в корме птенцов мухоловки-пеструшки «сытые» самцы журчалок встречаются в два раза чаще, чем «голодные» особи.

Некоторых насекомых птицы наиболее активно могут изымать только в определенные периоды их жизни. Например, взрослые личинки слепней перед окукливанием мигрируют от водоёмов и поднимаются к поверхности земли, где становятся доступными для птиц. В корме птенцов скворца *Sturnus vulgaris* они составляют 11-15% от общего веса пищи. Личинки стрекоз, в связи с их водным образом жизни, также недоступны для воробьиных, однако перед окрылением они периодически выходят в воздушную среду, где их активно собирают птицы, кормящиеся у воды. В корме птенцов скворца они достигают 14-20% от общего веса беспозвоночных, белой трясогузки – 7-16%, жёлтой трясогузки *Motacilla flava* – до 49%. При выходе из экзувиев молодые стрекозы наиболее часто отлавливаются скворцами – 93% от общего количества имаго стрекоз в корме птенцов данного вида.

Относительно веса тела взрослых птиц более мелких по массе беспозвоночных собирают деревенская ласточка, садовая камышевка *Acrocephalus dumetorum*, весничка *Phylloscopus trochilus* и славка-завирушка *Sylvia curruca*. Невысокие весовые показатели кормовых объектов компенсируются их большим количеством в отдельных пробах (в среднем 4.8, 3.3, 2.7, 2.4, 2.1 экз., соответственно). Наиболее крупных беспозвоночных отлавливают серая мухоловка и пухляк *Parus montanus*, однако их количество в единичной пробе невелико (в среднем 1.0; 1.4 экз., соответственно).

Средний вес одного условного беспозвоночного в корме птенцов определён отношением общего веса пищевых проб к общему числу бес-

позвоночных в них. По материалам для 16 видов воробьиных этот показатель составил 47.8 мг. Аналогичный показатель, полученный из учётных данных беспозвоночных в травостое, кустарниковой растительности и древесном подросте в период выкармливания птенцов определён в 11.1 мг. Таким образом, птицы избирательно отлавливают наиболее крупных представителей населения беспозвоночных.

Литература

Мальчевский А.С., Кадочников Н.П. (1953) 2005. Методика прижизненного изучения питания гнездовых птенцов насекомоядных птиц // *Рус. орнитол. журн.* 14 (301): 907-914.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2012, Том 21, Экспресс-выпуск 803: 2501

Первое наблюдение черноголового хохотуна *Larus ichthyaetus* в западных областях Украины

А.А.Бокотей

*Второе издание. Первая публикация в 1987**

15 августа 1985 во время учёта водяных птиц на прудах рыбхоза города Городок, в 30 км юго-западнее Львова, нами был отмечен один взрослый черноголовый хохотун *Larus ichthyaetus*. Он держался посреди водоёма площадью 120 га недалеко от других чаек. На протяжении 30 мин хохотун несколько раз перелетал с места на место в поисках корма. Для западных областей УССР, отдалённых от мест гнездования и зимовок черноголового хохотуна более чем на 1000 км, настоящая регистрация является первой. В 1978 году подобный случай был отмечен в Польше, когда молодая птица этого вида наблюдалась на озере в Опольском воеводстве (Грабиньски и др. 1979).

В августе и осенью 1985 года в западных областях УССР отмечались залёты таких редких для этих мест чаек, как большая морская *Larus marinus*, клуша *L. fuscus*, малая чайка *L. minutus*, и довольно интенсивный пролёт серебристой *L. argentatus* и сизой *L. canus* чаек.

* Бокотей А.А. 1987. Первое наблюдение черноголового хохотуна в западных областях УССР // *Орнитология* 22: 175-176.